

Влияние государственной политики в области миссионерства на вятских каринских татар в XVIII в.

М. А. Орлов

аспирант кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. ResearcherID: U-8688-2018. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли вятской татарской общины в процессе реализации централизованной миссионерской политики в условиях регионального измерения. Доказывается, что местная татарская община при содействии местных чиновников нередко противодействовала христианизации нерусского населения края. Многие нормы законов Российской империи, призванные подержать православных миссионеров, не были реализованы в полном объеме. Централизация Российского государства, начавшаяся при Петре I, практически не затронула автономного статуса вятской татарской общины. Проводимая в середине XVIII в. политика христианизации народов Поволжья вступала в противоречие с интересами местной чиновничьей власти и этнической общины татар. Не только Слободская воеводская канцелярия, в непосредственном ведомстве которой находились каринские татары, но и Вятская провинциальная канцелярия служила главным оплотом местной татарской общины. Вятские епископы, особенно Вениамин (Сахновский) и Варлаам (Скамницкий), предпринимали попытки обеспечить исполнение царских законов, направленных на христианизацию нерусского Вятско-Камского региона. Однако для многих чиновников выгоднее оказалось сотрудничество с верхушкой каринских татар, чем исполнение служебного долга и поддержки православных миссионеров. Особое внимание уделено христианизации каринских татар. В отличие от Казанского края на Вятке крещение местных татар не сопровождалось какими-либо эксцессами. Некоторые татары пытались сами выступать в качестве миссионеров, проповедуя основы христианской веры бывшим единоверцам. Существовали области общественных отношений, которые нарушали автономный статус каринской общины татар. К таковым можно отнести политику в отношении мечетей, а также уголовное законодательство.

Ключевые слова: христианизация, Вятская духовная консистория, епископ, татары.

В недавнем прошлом можно было встретить исследования, в которых авторы утверждали, что в XVIII в. Российская империя в деле христианизации использовала насильственные методы в отношении татар Поволжья и что такая политика не имела своих пределов и ограничений. «Воспринятая из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелированное государство не оставляла пространства для тех прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор еще считались». Так писал о российской унификации середины XVIII в. швейцарский историк А. Каппелер [6, с. 29]. Стоит заметить, что автор отмечает неорганичность для России таких методов управления. Приращение национальных особенностей не являлось характерной чертой российских властей на протяжении многовековой истории национальных взаимоотношений в России.

Казанский исследователь Ф. Г. Ислаев утверждал, что Российское правительство и церковные власти в вопросах крещения татар в XVIII в. выступили единым фронтом, ибо интересы церковные и гражданские полностью совпадали [4, с. 10]. Данные утверждения верны, поскольку отражают общую тенденцию и динамику политики Российской империи в отношении татар Поволжья. Особенно ярко такая политика была проявлена в середине XVIII века, и связана она была с деятельностью Новокрещенской конторы. В этой общей логике и динамике оказались незамеченными, а лучше сказать, мало изученными татары, проживавшие на территории исторической Вятки. В XIX веке вятский историк А. Спицын писал про местных татар: «Внимательное изучение прошлого и настоящего этого племени составляет одну из наиболее важных работ для наших этнографов и историков» [17, с. 64]. По прошествии полутора веков полная история вятских татар в XVIII в. еще не написана. Были изучены отдельные стороны исторической жизни вятских татар [2; 10; 18; 30], которые в основном касались социально-экономических сторон их исторического бытия. Вопрос о миссионерской деятельности и влиянии этого процесса на условия жизни вятских татар остается белым пятном в исторической науке.

С XV в. татары довольно прочно обосновались в южных пределах Вятки. После того как этот край вошел в состав Российского государства (1489 г.), вятские татары получили особый статус автономной общины. Московские князья понимали, что с их помощью можно успешно удерживать под контролем местное, в первую очередь, удмуртское население. В течение XVI–XVII в. расселившиеся в районе Карино¹ татары получили здесь поместья и угодья, которые со временем превратились в вотчинные владения. В грамоте царя Ивана Грозного подтверждено право местным татарам «ведати и судити... беляков, вотяков и чувашу и пошину на них имати, как преж того» [3, с. 23]. В историографии Вятского края делается вывод, что удмурты издавна были в состоянии подданства у татарских князей [7, с. 53; 10, с. 419]. Несмотря на попытку царя Федора Ивановича вывести удмуртов из-под власти каринских татар, господство последних в отношении финского народа сохранялось еще долгое время. В XVII в. встречается немало жалоб удмуртов на притеснения со стороны каринских мурз. Центральные власти посылали множество грамот об освобождении удмуртов от власти татар, однако положение оставалось неизменным. М. А. Островская, детально изучив имеющиеся документы, пришла к выводу, что «татары их (царские указы. – авт.) не исполняют» [10, с. 434].

Одной из причин сложившихся взаимоотношений двух этносов стала поддержка каринских мурз и князей со стороны местной воеводской власти. Вот яркий пример, подтверждающий такую поддержку. В 1700 г. верхочепецкие удмурты били челом на вятских каринских татар «о напрасных к ним нападках». По указу Петра I на Вятку был послан воевода Петр Бутурлин с московским подьячим Иваном Лазаревым с целью разрешить возникший спор. Однако новый воевода, «наровя им (татарам. – авт.), сыскивал неправедно и в Хлынове, в приказе держал многое время» [12, л. 1–1об.]. Нередко хлыновские воеводы принимали от каринских татар «поноски великие и коней добрых» [10, с. 442]. Более подробно данная тема рассмотрена М. А. Островской, которая приводит немало примеров угнетения удмуртов со стороны местной администрации и каринских татар [10, с. 417–447].

К моменту организации широкомасштабной миссионерской деятельности в середине XVIII в. продолжали существовать неравноправные отношения между каринскими татарами и удмуртами, переходившие нередко в крепостнические отношения. Существовала практика «толмачества», сложившаяся еще в XVII в. Суть ее сводилась к тому, что верхочепецкие удмурты, будучи неграмотны, просили каринских татар писать челобитные на своих обидчиков [14, л. 2–4]. Данная практика приносила немало обид удмуртам. Когда на Вятку приехал епископ Вениамин (Сахновский), известный своей ревностью в деле распространения христианства среди удмуртов, то обнаружил следующее явление. Каринские татары, взявшись толмачить, «чинят наглостию своею и нападками несносные обиды и тесноты», а «кого из вотяков признают богатого, и на таковых вотяков брали вместо взяток кабалы» [15, л. 39об.].

Епископ Вениамин выявил и другую проблему, которая до того, возможно, оставалась неприметной. Он пишет: «не токмо они татара вотяков безгласных обидят, но и русским людям, которые в подушной переписи за ними татарами написаны <...> чинят великие обиды и тесноты <...> от них татар в великом гонении и утеснении и к святой церкви не в близости и церковного пения нечасто слышают» [15, л. 39об.–40]. Удмурты, по словам епископа Вениамина, «желают воспрять святое крещение», но не имеют возможности в силу закрепощения от каринских татар [15, л. 39]. Стоит обратить внимание и еще на один момент. Удмурты принадлежали к категории ясачных крестьян, а центральное правительство запрещало закрепощать эту часть населения. Тем не менее исподволь такая практика имела место быть на юге далекой Вятки.

Нами было сказано, что татарская община Вятки сохраняла особое автономное положение в силу поддержки чиновниками Слободской канцелярии. При этом вышестоящий над этой канцелярией орган власти – Вятская провинциальная канцелярия – занимала несколько иную, более легитимную позицию. Недаром вятские архиереи неоднократно просили Вятскую провинциальную канцелярию издать распоряжение о том, чтобы всех новокрещенных, проживавших в Слободском уезде, вывести из ведения Слободской воеводской канцелярии и подчинить Вятской провинциальной [15, л. 42об.; 25, д. 127, л. 2–3об.]. Просьбы вятских епископов были лишены почвы и, видимо, основывались на имевшихся прецедентах. В 1739 г. Вятская провинциальная канцелярия вызвала татарина Абдулу Деветьярова и отменила решение Слободской воеводской канцелярии, в силу которого удмурты были закабалены [16, л. 2об.].

¹ По названию этой местности, сохранившейся до наших дней, они получили название «каринские татары».

Еще одной причиной особого автономного положения каринских татар было то, что они долгое время хранили память о бывших феодальных правах над удмуртским населением. Об этом писала еще в начале XX в. М. Островская: «В их насилиях, кажется, временами сказываются пережитки былых княжеских и вотчинных прав» [10, с. 426]. Несмотря на попытки Российского правительства в первой половине XVIII в. умалить положение татарской знати, воспоминания о прежнем особом положении остаются в памяти татар еще долгое время. Ожидания татар о скорейшем восстановлении потерянного статуса были не напрасны. При императрице Екатерине II возникнет идея приравнять татарскую элиту России к российскому дворянству. Такой переход возможно было осуществить тем татарам, которые смогли бы документально доказать свою принадлежность к князьям и мурзам, получившим в XVI–XVII в. жалованные грамоты от русских монархов.

Проживавшие на территории Слободского уезда каринские татары действительно предъявили несколько грамот, дававших право на дворянский статус [9; 29, л. 30–35об.]. Стоит при этом учитывать, что таковых татар на территории Вятки оказалась меньшая часть, большая же часть по своему статусу приравнивалась к ясачному населению. Тем не менее сознание господства не исчезало и у этой массы татарского населения. Мысли о более высоком социальном статусе татар присутствовали, видимо, и у местных чиновников. Весной 1742 г. было крещено несколько удмуртов и татар. Обращают на себя внимание данные о восприемниках. У татар «крестным отцом» был воевода г. Слободского Иван Козловский, а у удмуртов – служащий воеводы [26, д. 291, л. 7–9]. Легко заметить, что подбор восприемника не был случаен.

Наконец, особое положение вятских татар поддерживалось более весомым финансовым положением по сравнению с удмуртами. Некоторые татары заключали договоры подряда с удмуртами, в силу которых поставляли за удмуртов лошадей в зачет рекрутской складки. Взамен татары брали вексельные обязательства с обязанностью уплаты определенной суммы по договору. И даже тогда, когда эти удмурты принимали крещение и просили списать данные долги по векселям, что позволялось законами, то возникали трудности в реализации этих норм. И в таких случаях чиновники Слободской канцелярии нередко были на стороне мусульман, позволяя себе «жестокий праведж» по отношению к новокрещеным [24]. В свое время советский исследователь истории удмуртов XVIII в. М. В. Гришкина заметила, что в удмуртских долях зажиточные каринские татары при содействии местной администрации все больше прибирали власть к рукам [1, с. 29].

Попытки епископа Вениамина ввести легитимность во взаимоотношения трех сторон – удмуртов (как крещеных, так и некрещеных), татар и местной канцелярии – несмотря на всю свою гуманность, не имели сколько-нибудь ощутимых последствий. Следующий за ним епископ Варлаам (Скамницкий) представил реестр дел, в которых перечислял обиды на новокрещеных удмуртов. Приведем несколько примеров. По просьбе татарина Алача Бизюкова Слободская воеводская канцелярия прислала двух человек, которые силой взяли деньги с удмурта Исака Зямбаева. От духовных властей была послана промемория в Слободскую воеводскую провинциальную канцелярию, но «никакого удовольствия не учинено» [25, д. 127, л. 2об.–15об.]. Проживавший близ Карино новокрещеный Гаврил Федоров требовал защиты от татарина Тимофея Деветьярова, который взял у него деньги, хлеб и держал в своем доме в колодежках. Всего епископ приводит два десятка подобных дел и практически на каждом стояла пометка, что в Слободскую провинциальную канцелярию промемории присланы, но «никакого удовольствия не учинено» [25, д. 127, л. 2об.–15об.].

Были случаи, когда вопреки нормам указа об освобождении новокрещеных от рекрутской повинности некоторые татары вместо себя вынуждали вступать в службу крещеных удмуртов, причем местная канцелярия никак не реагировала на посылаемые по этому поводу промемории [24, л. 102–103об.]. Эти примеры убедительно показывают, что община вятских каринских татар вкупе со Слободской провинциальной канцелярией в середине XVIII в. создавала свой фронт, который нередко противодействовал усилиям духовенства по просвещению местного нерусского населения.

Крепкая связь вятской татарской общины со Слободской канцелярией и попытки сохранить свое феодальное прошлое привели к тому, что законы Российской империи о крещении нерусского населения не реализовывались на Вятке в должной степени. Изданные в центре законы зачастую становились мертвой буквой для местных чиновников именно потому, что эти самые чиновники были тесно связаны с каринскими татарами. Епископ Вениамин доносил Св. Синоду, что в Слободской канцелярии «по разным татарским и иным челобитьям»

удмурты содержатся под караулом в «непomalом времени» [15, л. 39]. В своих письмах Св. Синоду епископ Вениамин иллюстрировал весьма неприглядную картину: Слободская воеводская канцелярия вместо того, чтобы способствовать делу христианизации нерусского населения края потворствует татарам, скрывает указы о льготах для тех, кто бы принял крещение и принимает ложные челобитные на удмуртов, а это вредит миссии, т. к. прочие некрещенные в сложившейся бюрократической обстановке уже боятся креститься. Подтверждением слов вятского архиерея служит следующий пример. В 1743 г. к новокрещеным удмуртам приезжали чиновники Слободской канцелярии для того, чтобы собрать с крещеных удмуртов подати. На мирском сходе новокрещенные объявили, что они в течение трех лет, согласно царскому указу, податей платить не должны. В ответ на это рассыльщик Колпашиков отобрал копию этого указа, сказав: «Читать указ я де вам не холоп» [26, д. 297, л. 1об.]. Показательно само отношение чиновника к делу реализации царских указов.

Активная миссия православного духовенства, обращенная к народам Поволжья, не обошла стороной и самих каринских татар. Правда, здесь стоит сразу оговориться. Каринские татары стали исключением в общей истории христианизации татар Поволжья. В отличие от Казани к ним не посылались специальные проповедники, по крайней мере, в архивных документах мы таких случаев не встретили. Татары Слободского уезда Вятской провинции, как правило, изъявляли желание креститься, находясь на рекрутском учете в местной канцелярии [25, д. 110, л. 1]. Императорский указ от 11 сентября 1740 г. по этому поводу гласил: «Которые впредь православную веру примут, как рекрут, так и в рекрутские складки денег отнюдь никому не спрашивать и к тому их не приневоливать» [11]. Поставленный на воинский учет язычник или мусульманин мог подать прошение о крещении его в православную веру и, как награду, получал освобождение от военной службы.

Другой причиной желанья вятских татар принять православную веру была возможность освободиться от судебного следствия. Именно в этой области татары в XVIII в. проявили наибольшую активность в сравнении с другими нерусскими народами Вятки. В 1752 г. татарин Бекхул Арасланов содержался в Вятской провинциальной канцелярии «по некоторому секретному делу». Находясь под караулом, он просил принять крещение. Примечательно, что при ходатайстве принять крещение вопрос об его освобождении даже не ставился, а в консисторию он был направлен с наказом, чтоб «разговоров о том деле [“кроме что до святого крещения принадлежит”] не имел; и когда святое крещение примет, велеть с теми ж за ним каральными прислать в канцелярию без малейшаго времени упущения» [25, д. 183, л. 5об.]. В 1800 г. за кражу лошадей был судим татарин Абдул Токтаров. Для того чтобы избежать наказания, он «объявил желание воспринять святое крещение» [27, л. 1]. Такое отношение татар к христианскому таинству святого крещения заставило духовенство более осторожно подходить к делу катехизации татар. Когда в Глазовское духовное правление был прислан татарин Абдул Абышев, то духовенство задало вопрос: не был ли он когда в судебных приводах [25, д. 1120, л. 1].

История христианизации вятских татар в XVIII в. отличалась добровольным отказом от мусульманства. Известно, что история крещения казанских татар в XVIII в. сопровождалась в некоторых случаях принудительным крещением. Однако на Вятке такого мы не встречаем. Если и были отдельные примеры принудительного крещения, то это относится к удмуртскому населению, которое было более слабо перед лицом властей, нежели каринские татары. Соответственно, особое социальное положение вятских татар стало одной из причин их мирной христианизации. Другой причиной было отношение вятских архиереев к процессу христианизации в целом. Ни один из трех вятских архиереев, ни епископ Вениамин (Сахновский), ни Варлаам (Скамницкий), ни Антоний (Илляшевич), при которых действовала Новокрещенская контора, не использовали административные возможности при крещении. Стоит обратить внимание на то, что ни один крещеный татарин Вятки в XVIII в. не подал жалобы на принудительное крещение, а что такие жалобы имели место быть, показывает пример казанских татар.

Нередко проповедниками в своей среде выступали сами новокрещенные татары. В 1748 г. татарину Алексею Арасланову было предписано, чтобы он своих домашних убеждал принять крещение, но только добровольно. По этому же делу Вятская духовная консистория предписала военному помочь Алексею в поимке его брата, который находился у татарина Сеткула. Послан был солдат, но для того только, чтобы сыскать сына Алексея, находившегося у его брата [19, л. 235об.–236об.]. В отношении к женам крещеных татар, которые не желали принимать крещения, насилия над совестью также не предпринималось, что хорошо иллюстрирует следующий

пример. В 1749 г. каринские татары, не желая быть в военной службе, просили крестить их вместе с семьями. Мужья были крещены в Хлынове, а жен поехал просвещать священник с Пантыльского Конан. Приехав в указанное село, он узнал, что жены крещеных татар «явились ослушны и ко крещению не явились». Вятская духовная консистория послала промеморию в Вятскую провинциальную канцелярию, чтобы та сыскала жен и допросила на предмет того, не было ли от кого дурного влияния на мужей с целью отвращения от христианства. В заключении промемории читаем: «А буде паче чаяния оные суеверцы святого крещения воспрять не пожелают, то силою к тому оных не принуждать» [25, д. 143, л. 11].

Во время следственных дел, даже если они происходили в стенах духовной консистории и одной из сторон был татарин-мусульманин, угрозы относительно вероисповедания опять-таки не применялись. В 1751 г. каринский татарин Ермак Арасланов проходил по делу о богохульстве на христианскую веру. С 4 ноября по 16 декабря Вятская духовная консистория провела три заседания, во время которых выслушивала как обвиняемого, так и доносителей, которые, заметим, были из новокрещеных. В итоге выяснилось, что новокрещеные затеяли на татарина «из легкомыслия» и были наказаны за такой донос монастырскими трудами, Арасланов же был отпущен [19, л. 478–478об.]. Если бы в среде вятского духовенства была в ходу практика насильственного крещения, то к чему бы откладывать следствие, вызывать дополнительных свидетелей по делу и в конечном счете оправдывать мусульманина? В распоряжении консистории находились отставные солдаты, которых она могла попросить во время первого же заседания силой привести в купель татарина. Ничего подобного мы не находим. Другой подобный пример. В 1748 г. в связи со слухами о готовящемся за рекою Камою татарском бунте императорским указом было велено всех татар сыскивать и допрашивать. Каринские татары были вызваны в провинциальную канцелярию и допрошены там. Связей с повстанцами не было выявлено [13, л. 1, 13, 29]. Здесь также видим поимку татар только с целью производства законного следствия, но нет никаких признаков применения силы или угроз к принятию крещения.

Искреннее волеизъявление о принятии крещения подтверждается прошениями самих крещеных татар оставить прежнюю семью, члены которой оставались мусульманами. Многие из крещеных татар хотели жить в русских или новокрещенских селах. В декабре 1759 г. священник Алексий Свирепов принял в хлыновском Святотроицком и Николаевском соборе татарина Темира Арасланова, который, выслушав проповедь, просил крестить его [20, л. 531–531об.]. Через месяц, 11 января 1760 г., уже крещеный татарин, нареченный Феоктистом, представил в Вятскую духовную консисторию рапорт. Он указывал, что жена его, отец и братья «святого крещения воспрять не желают, зачем де и он с ними в одном доме жить и прежнюю свою жену в супружество взять не хочет, а желает в супружество вступить с русскою или ж с новокрещеною» [21, л. 6об.–7]. Другой крещеный татарин Исая Урасиных доносил в консисторию, что от совместного жительства с домашними, которые не крещены, «крайний соблазн мне видится и по христианскому закону житие иметь с ними вижу скверно». А потому просил определить его в жительство к русским, а на время просился даже пожить в монастыре на послушании [25, д. 160, л. 1–7].

Еще одним вопросом, который необходимо рассмотреть в нашем исследовании, является вопрос о степени вмешательства местных властей в религиозную жизнь вятской татарской общины. Ответ на данный вопрос покажет, насколько была велика возможность применения силы при крещении местных татар. Были такие указы, которые имели прямое действие на каринских татар и уязвляли их автономию. Таковы указы о сокращении числа мечетей и принуждении некрещеных заготавливать материал для строительства храмов в новокрещенских приходах. Относительно последнего стоит сказать, что случались конфликты между местными татарами и приходским духовенством, что весьма естественно, т. к. последователям Магомета не льстило даром строить православные храмы. В 1751 г. татары Каринской доли Бикмурза Деветьяров и Курбанай Маметкулов «с товарищи» жаловались на священников с Уканского из-за того, что они били татар и вымучивали деньги. Изначально татары согласились заготавливать лес, но впоследствии своих обязательств не исполняли. Впрочем, священники признали, что некоторых для «единого устрасия» слегка ударили, но денег не брали. Дело закончилось мировым соглашением: «признав между собою правду и со оными попами добровольно помирились с таким обязательством, что они впредь друг на друга в показанных обидах нигде бить челом не будут» [19, л. 383об.–386об., 516об.]. Имеющиеся документы весьма скудны на подобные жалобы, что невольно наводит на две антиномии: либо в осталь-

ных случаях татары беспрекословно выполняли такие работы, либо «увольнялись» от подобных неудобноносимых обязательств и перекладывали их на плечи прочих нехристианских народов, менее защищенных как в правовом, так и в материальном отношении. Возможны оба варианта, хотя мы склонны второму объяснению придать больше реалистичности, чем первому, ибо известны случаи, когда татары «выкупали» государственные повинности у нерусского населения Вятки. Так, каринские татары за определенную плату вместо удмуртов-язычников поставляли лошадей для армии [19, л. 196об.–197об.]. Обратных примеров не находим, да и они в принципе были невозможны по причине большей зажиточности татар от тех же удмуртов. Таким образом, и в этом вопросе с известной долей вероятности татары могли сохранять определенную дистанцию от властей.

Указ о запрете строить мечети вблизи новокрещенских приходов и разрушении исламских молельных домов на Вятке получен 24 июня 1743 г. Тогда же епископ Варлаам предписал двум хлыновским священникам исследовать местности на предмет, где проживали татары и сообщить результаты Слободской провинциальной канцелярии. В августе того же года от духовенства получен отчет, в котором указывалось, что в каринских погостах имеется две мечети, отстоящие от новокрещенских жилищ одна в пяти верстах, а другая в семи. Выслушав это, Вятская духовная консистория предписала сообщить данные в Слободскую провинциальную канцелярию [23, л. 79–79об.]. Что было в дальнейшем с этими мечетями, неизвестно, ибо архивные документы хранят по этому поводу молчание. В 1764 г. встречаем еще один донос о мечетях, которые были выстроены в д. Кестымской. Эта деревня располагалась неподалеку от крупного новокрещенского села Балезино. В рапорте указано, что проживавшие там татары по ревизии 1744 г. приписаны к Казанскому уезду, а живут в указанной деревне, т. е. на территории Вятской провинции. Консистория распорядилась исследовать, сколько татар в этой деревне проживает. Вместе с этим предписано, что если жителей, исповедующих ислам, окажется менее двухсот, то сломать старую мечеть, а если жителей будет достаточно, одну мечеть оставить, а вторую запретить строить [22, л. 125–125об.]. Как и в случае с мечетями каринского погоста, данные о реализации указа отсутствуют. Несмотря на отсутствие данных о дальнейшей судьбе мечетей, можно сделать определенные выводы. Даже если предположить, что они были в действительности разрушены, то вся эта процедура, как видно, была обставлена рамками закона. Первоначально поднимался вопрос о соответствии наличных мечетей тому лимиту, который определял государственный закон. Затем происходило расследование с выездом на место и выявлением тех мечетей, которые подлежали сносу. Если учитывать, что в середине XVIII в. у чиновников Слободской канцелярии связи с местной татарской элитой были налажены лучше, чем с духовенством, то вероятность того, что мечети сохранялись, была выше, чем предположение о их разрушении. Впрочем, вопрос остается открытым.

Таким образом, можно заключить, что на Вятке возможность принудительного крещения каринских татар хотя и существовала, однако в силу исторических условий жизни была сведена к минимуму. Местные гражданские власти нередко покрывали татар-мусульман и в таких случаях, когда у них в качестве наемных работников выступали новокрещенные. В 1792 г. татарин починка Партянур (Уржумский уезд) Манасип Максюттов жаловался на местного дворянина Самарцова в том, что он явился на его собственную фабрику и говорил, что некрещеным запрещено держать в работах новокрещенных. Когда дело дошло до Ф. Ф. Желтухина, то глава Вятского наместничества с неприкрытым удивлением писал, что таких законов в Российской империи вовсе не существует, кроме того, от таких действий фабрики придут в упадок. С Самарцева же Желтухин велел взять объяснения за такой поступок, и если окажется виновным, то возместить вред татарину [28, л. 2]. Кстати, в этом деле обращает на себя внимание то, каким образом местные татары являлись в здания суда. Уржумский земский суд жаловался Желтухину на то, что местные татары «со азартным видом» приходили в присутственное место, «кричали необычными словами» и бранили судей [28, л. 4]. Такой эпизод еще раз подтверждает ту мысль, что положение местных татар выделялось среди других народностей края.

В целом видим, что мусульманская община вятских каринских татар, хотя и обладала определенными правами, приобретенными еще на заре становления Московского государства, все же была вынуждена подчиняться ряду законодательных норм Российской империи в XVIII в. Имея поддержку от местной канцелярии, некоторые представители каринских татар зачастую препятствовали проведению в жизнь царских указов, направленных на поддержку православных миссионеров. Материальное благосостояние и эхо исторического прошлого подпитывали автономию каринских мурз и князей. Поэтому говорить о безоговорочном нивелировании прав татарского населения на территории Вятки нет достаточных оснований.

Крещение вятских татар протекало в несколько иных исторических условиях, что отличало вятскую миссию от казанской. На юг Вятки не посылались специальные миссионеры для евангельской проповеди татарам, наоборот, татары сами приезжали в уездный (а впоследствии губернский) центр и просили принять крещение. Была еще одна особенность процесса христианизации татар Вятки. Если в отношении удмуртского населения можно встретить немало примеров неисполнения Вятской и Слободской канцеляриями норм о налоговых и рекрутских преференциях принимающим крещение, то в отношении татар мы не встречаем подобных случаев. В просмотренных нами архивных документах, относящихся к XVIII в., отсутствуют жалобы татар на непредоставление налоговых льгот по случаю крещения. Отсутствовали также жалобы на принудительную отpravку крещеных татар вместо некрещеных, что имело место у других народностей. В этом, видимо, сказалось то особое положение, которое заняли каринские татары в провинциальной жизни Слободского уезда.

Список литературы

1. Гришкина М. В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск : Удмуртия, 1977.
2. Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 20–41.
3. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2-му тому сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881.
4. Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. Казань : Татар. кн. изд-во, 1999.
5. Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Татар. кн. изд-во, 2011.
6. Кантелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция – Прогресс Традиция, 2000.
7. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб. : Типография М. П. Фроловой, 1899.
8. Малов Е., *свящ.* О Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III. Приложение.
9. Мусихин А. Л. Грамоты каринским арским князьям в XVI в. – источник по истории Вятской земли // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета). Т. 2 / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 92–101.
10. Островская М. А. Из истории вятских инородцев // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском казанском университете. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4–5. С. 417–447.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. XI. № 8236.
12. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 131. Оп. 1. Д. 6.
13. РГАДА. Ф. 425. Оп. 3. Д. 12.
14. РГАДА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 208.
15. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 157.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 22. Д. 126.
17. Спицын А. Местное областное управление на Вятке до XVIII века. К истории вятских инородцев. Вятка : Издание Губернского статистического комитета, 1888.
18. Фаттахов Т. Д. К истории расселения татар-мусульман в юго-восточных городах и уездах Вятской губернии // Вестник Вятского государственного университета, 2015. № 1. С. 64–70.
19. Центральный Государственный Архив Кировской Области (ЦГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
20. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 5.
21. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6.
22. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 9.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 5.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 8.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 104. Д. 145.
28. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 2 б. Д. 23.
29. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 344.
30. Чураков В. С. Каринский стан Вятской земли: история, территория, население // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 5 ч. Ч. 3. Тамбов, 2017. № 12 (86). С. 215–219.

Influence of state policy in the field of missionary work on the Vyatka Karin Tatars in the XVIII century

M. A. Orlov

postgraduate student of the Department of history and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. Researcher ID: U-8688-2018. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the Vyatka Tatar community in the process of implementing a centralized missionary policy in a regional dimension. It is proved that the local Tatar community, with the assistance of local officials, often opposed the Christianization of the non-Russian population of the region. Many of the laws of the Russian Empire designed to support Orthodox missionaries were not fully implemented. The centralization of the Russian state, which began under Peter I, practically did not affect the Autonomous status of the Vyatka Tatar community. The policy of Christianization of the peoples of the Volga region conducted in the middle of the XVIII century conflicted with the interests of local officials and the ethnic community of Tatars. Not only the Sloboda commander chancellery, which was directly responsible for the Karin Tatars, but also the Vyatka provincial chancellery served as the main stronghold of the local Tatar community. The Vyatka bishops, especially Veniamin (Sakhnovsky) and Varlaam (Skamnitsky), attempted to enforce the tsarist laws aimed at Christianizing the non-Russian Vyatka-Kama region. However, for many officials, it was more profitable to cooperate with the top of the Karin Tatars than to perform their official duties and support Orthodox missionaries. Special attention is paid to the Christianization of the Karin Tatars. In contrast to the Kazan region, the baptism of local Tatars in Vyatka was not accompanied by any excesses. Some Tatars tried to act as missionaries themselves, preaching the basics of the Christian faith to former co-religionists. There were areas of public relations that violated the autonomous status of the Karin Tatar community. These include policies regarding mosques, as well as criminal legislation.

Keywords: Christianization, Vyatka spiritual consistory, bishop, Tatars.

References

1. Grishkina M. V. *Krest'yanstvo Udmurtii v XVIII veke* [Peasantry of Udmurtia in the XVIII century]. Izhevsk. Udmurtia. 1977.
2. Grishkina M. V. *Sluzhiloe zemlevladienie arskikh knyazey v Udmurtii XVI – pervoj poloviny XVIII vekov* [Ser- vile land ownership of Arsk princes in Udmurtia of the XVI – first half of the XVIII centuries] // *Problemy agrar- noj istorii Udmurtii* – Problems of the agrarian history of the Udmurt Republic. Izhevsk. 1988. Pp. 20–41.
3. *Drevnie akty, otnosyashchiesya k istorii Vyatskogo kraja. Prilozhenie k 2-mu tomu sbornika "Stoletie Vyatskoj gubernii"* – Ancient acts related to the history of the Vyatka region. Appendix to the 2nd volume of the collection "Century of the Vyatka province". Vyatka. 1881.
4. *Islaev F. G. Pravoslavnye missionery v Povolzh'e* [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan. Ta- tar publishing house. 1999.
5. *Iskhakov R. R. Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Mis- sionary work and Moslems of Volga-Kama region (the last third of the XVIII – beginning of the XX century)]. Kazan. Tatar publishing house. 2011.
6. *Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya* [Russia is a multinational Empire]. M. Tradiciya – Progress Tradiciya. 2000.
7. *Luppov P. N. Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka* [Christian- ity among the votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. SPb. Printing House of M. P. Frolova. 1899.
8. *Malov E., bishop. O Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii ka- zanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About Novokreschenskaya Cantor. Speech delivered at the solemn meeting of the Kazan theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III. Application.
9. *Musihin A. L. Gramoty karinskim arskim knyaz'yam v XVI v. – istochnik po istorii Vyatskoj zemli* [Letters to the Karin Arsk princes in the XVI century – source on the history of the Vyatka land] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta)* – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka State University for the Humanities). Vol. 2 / resp. ed. V. T. Yungblud. Kirov. VyatSHU. 2014. Pp. 92–101.
10. *Ostrovskaya M. A. Iz istorii vyatskih inorodcev* [From the history of the Vyatka aliens] // *Izvestiya ob- shchestva arheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom kazanskom universitete* – Proceedings of the society of archaeology, history and ethnography at the Imperial Kazan University. Kazan. 1912. Vol. XXVIII. Is. 4–5. Pp. 417–447.
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 1*– Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XI. No. 8236.

12. Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 131. Inv. 1. File 6.
13. RSAAA. F. 425. Inv. 3. File 12.
14. RSAAA. F. 573. Inv. 1. File 208.
15. Russian State Historical Archive (RSHA). F. 796. Inv. 1. File 157.
16. RSHA. F. 796. Inv. 22. File 126.
17. *Spicyn A. Mestnoe oblastnoe upravlenie na Vyatke do XVIII veka. K istorii vyatskih inorodcev* [Local regional administration in Vyatka before the XVIII century]. To the history of Vyatka foreigners. Vyatka. Publication of the Provincial statistical committee. 1888.
18. *Fattahov T. D. K istorii rasseleniya tatar-musul'man v yugo-vostochnyh gorodah i uezdah Vyatskoj gubernii* [On the history of settlement of Muslim Tatars in the South-Eastern cities and counties of the Vyatka province] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2015. No. 1. Pp. 64–70.
19. Central State Archive of the Kirov Region (CSAKR). F. 237. Inv. 1. File 1.
20. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 5.
21. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 6.
22. CSAKR. F. 237. Inv. 1. File 9.
23. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 5.
24. CSAKR. F. 237. Inv. 2. File 8.
25. CSAKR. F. 237. Inv. 74.
26. CSAKR. F. 237. Inv. 81.
27. CSAKR. F. 237. Inv. 104. File 145.
28. CSAKR. F. 582. Inv. 2 b. File 23.
29. CSAKR. F. 583. Inv. 4. File 344.
30. *Churakov V. S. Karinskij stan Vyatskoj zemli: istoriya, territoriya, naselenie* [Karin camp of Vyatka land: history, territory, population] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 5 ch.* – Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 5 parts. Part 3. Tambov. 2017. No. 12 (86). Pp. 215–219.